

ДАРВИН, БОГ И СМЫСЛ ЖИЗНИ

Стив Стюарт Уильямс

Как теория эволюции разрушает всё, что вы считали неоспоримой истиной

Глава первая

Дарвин и большие вопросы

Вполне возможно, что для потомков его имя станет рубежом в умственном развитии нашей западной цивилизации... Если он прав, людям придётся отсчитывать начало современной мысли с 1859 года.

Уилл Дюрант (1931), с. 22

Поскольку все организмы произошли от общего предка, можно сказать, что вся биосфера в целом начала мыслить в тот момент, когда родилось человечество. Если остальная жизнь – это тело, то мы – разум.

Э. О. Уилсон (2002), с. 132

Я просто не выношу взгляда, замкнутого в пределах одной этой земли; жизнь кажется мне ничтожной, если в ней нет окон в иные миры. Я чувствую это яростно, инстинктивно, всем своим существом.

Берtrand Рассел, цит. по: Рэй Монк (1996), с. 248

Зачем мы здесь?

Теория эволюции отвечает на один из самых глубоких и фундаментальных вопросов, которые люди когда-либо себе задавали, – вопрос, мучивший мыслящие умы столько же, сколько сами эти умы существуют во Вселенной: **зачем мы здесь?** Как мы вообще оказались на этой планете?

Во многих отношениях наша планета самая обычная. Она вращается вокруг самой обычной звезды, входит в самый обычный набор планет, образующий самую обычную Солнечную систему, которая входит в самую обычную галактику – одну из миллиардов галактик видимой Вселенной. Но в другом отношении эта планета крайне странна: небольшая часть её поверхности каким-то образом превратилась в *живую материю*. Ещё удивительнее то, что малая доля этих живых существ осознаёт своё собственное существование и способна – пусть и в ограниченной степени – постигать окружающий мир.

Как так вышло? Каким образом ничтожные фрагменты Вселенной оказались организованы так, что смогли осознать самих себя и тот крошечный уголок космоса, в котором обитают? Почему, иначе говоря, **мы здесь?**

Ответ, впервые сформулированный английским учёным Чарльзом Дарвином, гласит: **мы здесь потому, что эволюционировали.** Однако этот ответ принимают далеко не все. Дарвиновская теория естественного отбора — одна из тех идей, которые мгновенно делят любую аудиторию. С одной стороны, многие ею просто зачарованы. Она увлекает, возбуждает, помогает иначе увидеть мир. С другой — есть и те, кто эту идею искренне *ненавидит*. Они считают её ядом, разъедающим общество. Для них дарвиновская картина мира холодна и глубоко тревожна; один из критиков называл её «догматом мрака и смерти»¹. Некоторые и вовсе убеждены, что теория эволюции — часть грандиозного заговора, призванного увести людей от Бога и подсадить их на атеизм.

Но вот в чём сходятся и сторонники, и ненавистники теории: так или иначе, она — одна из важнейших идей в истории человеческой мысли. Многие готовы сказать, что **самая** важная. И отчасти это потому, что её последствия выходят далеко за рамки узких академических споров, интересных лишь горстке специалистов. В отличие, скажем, от атомной теории или теории относительности, эволюционная теория имеет последствия для того, **как мы видим самих себя и своё место во Вселенной.** Она затрагивает вещи, действительно для людей важные, вещи, к которым большинство из нас не может относиться равнодушно. И именно о них и пойдёт речь в этой книге.

Более конкретно, мы посмотрим, как теория эволюции влияет на три «горячие темы» философии:

1. **эволюция и существование Бога;**
2. **эволюция и место человека в природе;**
3. **эволюция и мораль** (то есть вопрос о том, что такое добро и зло)².

На первый взгляд может показаться, что теория Дарвина — впрочем, как и любая другая научная теория — не может иметь никаких последствий для философии. Наука занимается эмпирическим миром и вопросами факта, тогда как философия, почти по определению, разбирает то, что лежит **за пределами** компетенции науки.

---

¹ Брайан (1925)

² Теория эволюции важна и для эпистемологии — философии познания. Этой темы я здесь касаться не буду. См. Boulter (2007); Bradie (1986); Campbell (1974); Carruthers (1992); Hahlweg & Hooker (1989); Hull (2001); Lorenz (1941); O'Hear (1997); Plotkin (1993); Radnitzky & Bartley III (1987); Ruse (1986); Stewart-Williams (2005).

В своей области теория эволюции — поразительно успешна. Но не видно, чтобы она имела прямое отношение к привычному кругу философских вопросов. Некоторые даже утверждают, что **вообще не имеет**. Так, нередко говорят, что если вы не креационист и не буквальный сторонник Библии, то эволюция никак не влияет на вопрос о существовании Бога: она совместима и с атеизмом, и с теизмом. Другие утверждают, что эволюция никак не касается морали, потому что эволюция имеет дело с фактами, а этика — с ценностями, а из фактов ценности вывести нельзя. Загадочный Людвиг Витгенштейн выразил эту позицию особенно резко, заметив, что «теория Дарвина не имеет к философии больше отношения, чем любая другая гипотеза естествознания»³.

Многие с этим не согласны — и не без оснований. Как минимум, наши традиционные философские убеждения выглядят совсем иначе, если смотреть на них через призму эволюционной биологии. Великий английский философ Берtrand Рассел писал:

Если человек действительно произошёл путём почти незаметных переходов от низших форм жизни, становится очень трудно понять целый ряд вещей. В какой именно момент наши предки приобрели свободную волю? На какой стадии долгого пути от амёбы они обрели бессмертные души? Когда они впервые стали способны на такие виды порочности, за которые благод Творец мог бы по справедливости осудить их на вечные муки? Большинство людей чувствовало бы, что такое наказание было бы чрезмерно суровым по отношению к обезьянам, сколь бы ни была велика их склонность бросаться кокосами в головы европейцев. Но как насчёт *Pithecanthropus erectus*? Не он ли, в самом деле, вкусили запретный плод? Или всё-таки *Homo pekinensis*?⁴

Это неудобные вопросы, и у эволюции есть ещё много подобных. Почему всемогущий создатель Вселенной должен быть так горячо привязан к двуногой тропической обезьяне? Почему он принимает облик одного из этих странных бесхвостых приматов? Почему столь величественное Существо проявляет столь навязчивую, мелочную озабоченность деталями одежды и сексуального поведения **одного-единственного** вида млекопитающих — причём особенно его женских особей? Что такое ангелы? Эволюционировали ли они естественным отбором? Не являются ли они нашими родичами по приматам, вроде неандертальцев? Если нет, то почему так похожи на нас внешне?

³ Wittgenstein (1921), 4.1122.

⁴ Russell (1950), с. 146. *Pithecanthropus erectus* (яванский человек) сейчас относится к виду *Homo erectus*; *Homo pekinensis* (пекинский человек) — к подвидам *Homo erectus pekinensis*.

Подобные вопросы дают лишь первое представление о том, какую угрозу несёт теория эволюции нашим традиционным философским представлениям. Но её последствия куда глубже, чем просто «ставить неудобные вопросы». С самого начала люди чувствовали, что идеи Дарвина будут иметь радикальные философские следствия. Сам Дарвин это подозревал. В одной из ранних записных книжек, посвящённых изменяемости видов, он сделал загадочную пометку: «Происхождение человека теперь доказано. Метафизике предстоит расцвести. Тот, кто поймёт бабуина, сделает для метафизики больше, чем Локк»⁵. Как осторожный человек, он эту мысль особенно не развивал. Но другие стесняться не стали.

Во второй половине XIX века посыпался целый поток рассуждений о том, **что же именно** следует из теории Дарвина. Единства мнений, разумеется, не было (что не должно удивлять: психолог Уильям Джеймс заметил, что единственное, на что философов можно уверенно положиться, — это на их взаимные разногласия). Одни считали, что эволюция смертельно опасна для веры, другие — что это «шаг вперёд в нашем богословском мышлении»⁶. Одни думали, что теория сбрасывает нас с воображаемого пьедестала вершины животного царства, другие — что объясняет, **почему** мы на нём стоим. Одни трактовали эволюцию как указатель морали, ведущей к «лучшему», другие — видели в ней доказательство того, что ничего объективно правильного или неправильного вообще не существует.

Уже через десять лет после смерти Дарвина философ Иосия Ройс мог написать о его «Происхождении видов путём естественного отбора», что «за исключением разве что “Начал” Ньютона, ни одна книга по эмпирической науке не имела для философии большего значения»⁷.

Тем не менее большую часть XX века философы Дарвина почти забывали⁸. Большинство фактически приняло витгенштейновский вердикт: теория эволюции к их занятиям не относится. Лишь в последние десятилетия века ситуация стала меняться: такие мыслители, как Дэниел Деннет, Майкл Рус и Питер Сингер, принесли в философию глубокое понимание эволюционной теории. Особенно усердствует Деннет: по его мнению, дарвинизм — это «универсальная кислота», влияние которой просачивается во все области человеческой мысли. И философия тут не исключение. Сама философия, впрочем, тоже давно славится как мощное коррозионное средство, разъедающее наши самые фундаментальные убеждения. Мрачный мыслитель XIX века Фридрих Ницше (сильно, кстати, вдохновлённый идеями Дарвина) называл философию «страшной взрывчаткой, перед которой ничто не устоит».

⁵ Цит. по: Barrett et al. (1987), с. 539

⁶ Цит. по: White (1896), с. 103.

⁷ Royce (1892), с. 286.

⁸ Cunningham (1996).

Так что вопрос, которым мы займёмся в этой книге, звучит так: **что произойдёт, если смешать универсальную кислоту с страшной взрывчаткой?** Краткий ответ: это сочетание подрывает многие из наших самых дорогих и давних представлений о Боге, человеке и морали. Развёрнутый ответ — это и есть содержание книги. Но прежде чем переходить к подробному обсуждению, сделаем краткий обзор местности: какие вопросы нас ждут и с какими взглядами мы столкнёмся по пути.

Часть I. Дарвин берётся за религию⁹

Начнём с вопроса о существовании Бога. Создал ли Бог нас по своему образу — или это мы создали Его по своему? Или, как язвительно сформулировал Ницше: «человек — одна из ошибок Бога? Или Бог — одна из ошибок человека»

Вот лишь некоторые вопросы, которые нас здесь будут занимать:

- Может ли человек, признающий эволюцию, одновременно верить в Бога?
- Направлял ли Бог эволюционный процесс прямо и осознанно?
- Выбрал ли Он естественный отбор как орудие косвенного творения жизни?
- Обязан ли кто-то, желающий объяснить происхождение жизни, Вселенной или сознания, обязательно ссылаться на Бога?
- Подсказывает ли страдание, неотделимое от естественного отбора, что Бог невозможен — или, по крайней мере, что если Он и есть, то Он злой?

Мы не будем рассматривать весь спектр аргументов «за» и «против» существования Бога, а лишь те, что непосредственно связаны с теорией Дарвина. Краткое резюме глав этой части (главы 2–7) таково.

Глава 2. Столкновение титанов

Начнём с самого начала: **мы эволюционировали или Бог создал нас в нынешнем виде?** Разумеется, это не единственные возможные варианты, но именно они чаще всего обсуждаются и именно они волнуют большинство людей. Один из них, к слову, оказался верным.

Читатели, уже знакомые с эволюционной теорией и дебатами «эволюция против креационизма», могут захотеть перескочить дальше, но я надеюсь, что и для них в этой главе найдётся что-то полезное.

Мы начнём с короткого описания креационистского взгляда, затем столь же кратко изложим саму эволюционную теорию. (Кстати, вы знали, что Дарвин **не** был первым, кто предложил идею эволюции?) Затем мы рассмотрим некоторые удивительные и порой весьма причудливые свидетельства в её пользу. Увидим, как эволюция объясняет факты, которые иначе кажутся совершенно загадочными: почему крылья

⁹ Части этой главы основаны на Стюарт-Уильямс (2004)

летучей мыши больше похожи на плавники кита, чем на крылья птицы; почему у нелетающих птиц вообще есть крылья; почему человеческий эмбрион имеет жаберные щели; почему у китов иногда вырастают задние конечности; и почему у людей иногда рождаются дети с хвостом.

Наконец, мы посмотрим на аргументы **против** эволюции. Один из самых убедительных, на первый взгляд, утверждает, что некоторые структуры в живой природе попросту не могли возникнуть путём естественного отбора. В качестве примеров приводят бактериальный жгутик, иммунную систему и систему свёртывания крови. Даже некоторые образованные люди, вполне лояльные науке, в глубине души невольно спотыкаются на подобных доводах. Если это про вас – значит, вы стали жертвой ловкого маркетинга движения «разумного замысла». Я надеюсь, что после второй главы это недуг больше вас не поразит.

Глава 3. Замысел после Дарвина

Здесь мы обратимся к важнейшему философскому аргументу в пользу существования Бога – **к аргументу от замысла**. Схема проста. Некоторые элементы природы выглядят так, словно были спроектированы (глаз, зубы, когти и т. п.); а раз есть проект, должен быть и проектировщик; следовательно, существует Творец, и это Бог. Мы увидим, что эволюционная теория подрывает этот аргумент и тем самым серьёзно угрожает теистической вере – даже тем её разновидностям, которые опираются и на другие соображения. Окажется также, что в этом разделе философии Дарвин оказал влияние большее, чем один из величайших философов всех времён – Дэвид Юм.

Глава 4. Бог Дарвина

В последующих главах части I мы будем разбирать вопрос: **можно ли верить и в эволюцию, и в Бога одновременно?** В каком-то смысле ответ очевиден: да, можно, ведь многие так и делают. Этот факт часто приводят как доказательство совместимости двух взглядов. Но вывод слишком смелый: он лишь показывает, что если между ними и есть противоречие, то далеко не очевидное. Возможно, при более пристальном рассмотрении несовместимость всё же обнаружится.

Рассматривая этот вопрос, мы познакомимся с теми изящными ходами мысли, которыми верующие пытались примирить веру в Бога с признанием эволюции. Одни, например, предполагают, что Бог лично направлял эволюционный процесс – целиком или в ключевых точках. Другие говорят, что Бог не вмешивался, но выбрал естественный отбор как инструмент творения. Множество выдающихся учёных и мыслителей разделяли подобные взгляды, так что, если вам они кажутся разумными, вы, безусловно, в хорошей компании. Но вы, как я попытаюсь показать в четвёртой главе, всё равно ошибаетесь.

Глава 5. Бог, затыкающий дыры

В этой главе мы рассмотрим возражение, которое, вероятно, уже возникло у некоторых читателей. Теория эволюции может объяснить видимое устройство живой природы, но остаётся немало загадок, для которых, возможно, по-прежнему нужен Бог.

- Тайна № 1: **как началась сама жизнь?** Эволюция объясняет возникновение новых видов из уже существующих, но не объясняет, как вообще появились первые самовоспроизводящиеся молекулы.
- Тайна № 2: **как появилась Вселенная и почему она так удивительно приспособлена к возникновению жизни?**
- Тайна № 3: **как возможно сознание в мире, состоящем лишь из движущейся материи?**

Каждый из этих вопросов обнажает брешь в научной картине мира — брешь, которую, возможно, способен заполнить только Бог. Разбирая их, мы столкнёмся с идеями, которые многим покажутся фантастическими: скажем, с мыслью, что наша Вселенная — лишь одна из многих и что принципы дарвинизма могут пролить свет на то, почему у разных вселенных именно такие свойства, какие есть. Но, учитывая нынешнее состояние физики, подобные мысли, по меньшей мере, **не неразумны**.

Мы также увидим, что анализ эволюционировавшего человеческого разума, наоборот, **понижает** вероятность существования Бога, а не повышает её. И, наконец, коснёмся того, что я бы назвал «последним вопросом»: почему вообще **есть** что-то, а не **ничего**?

Глава 6. Дарвин и проблема зла

Теория эволюции не только разрушает основания веры; она даёт и **прямые аргументы против существования Бога**. Слышали о проблеме зла? Это рассуждение примерно о том, что всемогущий и всеблагой Бог не дозволил бы существовать такому количеству страдания, какое мы наблюдаем, а значит, с большой вероятностью, Бога нет.

Эволюция многократно усиливает эту проблему. Процесс, породивший жизнь, сопровождался чудовищными масштабами боли, растянувшейся на гигантские отрезки времени. Сам Дарвин описывал его как «неуклюжий, расточительный, ошибочный, низкий и чудовищно жестокий»¹⁰. Почему Бог должен был творить жизнь **таким способом**?

В этой главе мы придём к выводу: если бы Бог действительно существовал, правы были бы креационисты — но так как они не правы, то, вероятнее всего, его нет. По

---

¹⁰ Цит. по: F. Darwin & Seward (1903), с. 94.

пути мы обсудим сопутствующие вопросы: сознательны ли другие животные? Испытывают ли они удовольствие и боль или являются бессознательными биологическими автоматами? Даже если Бог существует, должны ли мы ему повиноваться? (Тем, кого интересует последний вопрос, рекомендую внимательно читать сноски.)

Глава 7. Подводя итог религии

Седьмая глава посвящена типичной реакции на подобные аргументы: мол, всё это относится лишь к «традиционному антропоморфному» образу Бога, в то время как настоящий Бог верующих куда выше и тоньше: Он — «предельная реальность», «основание бытия», «условие существования всего сущего» и т. д. Может быть, такая возвышенная концепция божества устоит перед универсальной кислотой дарвинизма. А может, и нет. Это и предстоит выяснить в заключительной главе первой части.

Часть II. Жизнь после Дарвина¹¹

Далее мы перейдём ко второй большой теме — философской антропологии, разделу философии, который разбирает вопросы о человеке, его статусе в природе и смысле человеческого существования. Некоторые вопросы, которые мы затронем в главах 8-10:

- Переживает ли разум смерть тела?
- Сознательна ли Вселенная?
- Стоим ли мы выше прочих животных?
- Или, возможно, ниже?
- Ведёт ли естественный отбор неизбежно к прогрессу — или это неверное понимание теории Дарвина?
- В чём смысл жизни?
- Подразумевает ли эволюция, что в конечном счёте жизнь бессмысленна?

Глава 8. Человек и его место во Вселенной

Эта глава рассматривает место человека и человеческого сознания в природе и, по моему мнению, является одной из лучших в книге. Мы увидим, что эволюция бросает вызов некоторым самым укоренившимся здравым убеждениям, например таким, будто в истории Вселенной любая сущность либо имеет сознание, либо нет; что всё, что существует, можно разделить на людей и не-людей, живое и неживое.

С эволюционной точки зрения разум вовсе не возвышается над природой, а является её крошечной частью — и это имеет важные последствия. Одно из них состоит в том,

---

¹¹ Часть этого раздела основана на Stewart-Williams (2002, 2004a).

что наше сознание — это не просто сознание **о** Вселенной; наше сознание само входит в состав Вселенной, а значит, Вселенная отчасти **сознательна**. Раздел, посвящённый этому («Сознательная Вселенная»), пожалуй, мои любимые четыре абзаца книги; если вы не прочтёте ничего больше, прочтите хотя бы их.

Далее мы увидим, что, хотя традиционное различие между человеком и животными после Дарвина и сохраняет практический смысл, оно оказывается не менее произвольным, чем линия между «дельфином» и «не-дельфином». Мы придём к на вид парадоксальному выводу: хотя человек, жизнь и разум не существовали всегда, «первого человека», «первого живого» и «первого сознания» никогда не было. И, наконец, мы поймём, почему врач — это, по большому счёту, высокооплачиваемый ветеринар, а хирург — всего лишь особенно квалифицированный механик.

Глава 9. Положение человека среди животных

Здесь мы продолжим разговор, начатый в предыдущей главе, и, надеюсь, внесём один из основных вкладов книги в общую дискуссию. Многие комментаторы отмечали, что дарвиновская революция, подобно коперниковской, сдёрнула человека с пьедестала. Как выразился зоолог Десмонд Моррис, мы больше не «падшие ангелы», а «поднявшиеся обезьяны».

Однако даже принимая эволюцию, многие находят утешение в мысли, что человек всё же **выше** других животных. Часто это связывают с идеей прогресса: будто эволюция — это неумолимое движение к всё большей сложности и разумности, и мы — его венец. Возможно, вы сами так думаете и будете удивлены, узнав, что в девятой главе я постараюсь показать: это представление ошибочно **во всех пунктах**.

Я надеюсь, что к концу главы вы будете содрогаться каждый раз, когда услышите выражения «низшее животное», «инфра-человек» и тому подобные — так же, как содрогнулись бы, если бы вас назвали «недо-шимпанзе» или «инфра-индейкой». Я постараюсь убедить вас, что выражения «более эволюционировавший» и «менее эволюционировавший» лучше вообще выкинуть из обихода. По дороге мы узнаем, почему рок-идол Джим Моррисон был эволюционным «успехом», хотя умер в двадцать семь; почему, с определённой точки зрения, мы не так уж сильно умнее синих китов или даже муравьёв; и почему неправильно говорить, будто человек «произошёл от низших животных». И, наконец, зададим редкий вопрос: **была бы Вселенная лучше, если бы мы никогда не возникли?**

Глава 10. Смысл жизни, покойся с миром?

Здесь нас ждёт один из главных вопросов вообще: **в чём смысл жизни?** Теория эволюции может повлиять на ответы несколькими способами. Обычная интуиция такова: цель предмета определяется намерением его создателя. Если я сделал

отвёртку, я тем самым наделил её целью — закручивать шурупы. Аналогично, если нас создал Бог, наша цель — та, ради которой Он нас создал.

А что, если выясняется, что создал нас не Бог, а естественный отбор? Здесь возможны, по крайней мере, два ответа.

1. Заменить Бога отбором: «Если нашим творцом был естественный отбор, значит, наша цель — то, что “имел в виду” отбор, то есть передача генов».
2. Сказать обратное: «Если нашим “творцом” был отбор, значит, у нас вообще нет творца — а значит, у жизни нет заданной цели».

Выбор не слишком заманчив, но я буду утверждать, что верен один из этих вариантов. Какой именно — узнаете в десятой главе.

Часть III. Мораль без суеверий¹²

Дальше мы обратимся к сфере этики и морали. Вот некоторые вопросы, которые обсудим в главах 11–14:

- Если какое-то поведение возникло в ходе эволюции, значит ли это, что оно «естественно» и потому нравственно допустимо?
- Оправдывает ли эволюционный подход статус-кво, снимает ли с людей ответственность за их поступки, оправдывает ли неравенство и войны?
- Бывают ли ситуации, когда самоубийство или добровольная эвтаназия морально допустимы?
- Как мы должны относиться к животным?
- Бывают ли обстоятельства, когда жизни людей должно уступить место благу других существ?
- Делает ли изучение эволюции людей аморальными?
- Подразумевает ли теория эволюции, что в конечном счёте ничего объективно правильного или неправильного не существует?

Глава 11. Как эволюционирует добро

Сначала мы спросим, является ли человеческая мораль **адаптацией**, созданной скрытой рукой естественного отбора. Вопрос оказывается непростым. С одной стороны, очевидно, что эволюция помогает прояснить происхождение ряда типов поведения, входящих в область морали, — альтруизма, например, или наших типичных оценок некоторых сексуальных практик. С другой стороны, гипотеза «мораль как адаптация» сталкивается с серьёзными трудностями.

Если бы мораль была прямым продуктом эволюции, почему люди беспрерывно спорят о том, что правильно, а что нет? Почему нам приходится учить детей быть

---

¹² Часть этого раздела основана на Stewart-Williams (2004b).

хорошими? Почему мы так часто чувствуем внутренний разлад между тем, что считаем правильным, и тем, чего нам на самом деле хочется?

Можно подумать, что как эволюционный психолог я буду размахивать готовыми ответами. Но нет; мне кажется, это действительно серьёзные возражения, и я не думаю, что мораль — прямое порождение естественного отбора. Скорее, это социальный институт, который, с одной стороны, опирается на наши эволюционно закреплённые склонности, а с другой — частично им противостоит.

Глава 12. Переделывая мораль

Здесь мы поднимем вопросы, которые стоили многим людям бессонных ночей. Подразумевает ли теория эволюции, что «выживание сильнейших» следует принять как нравственный принцип? Оправдывает ли она нынешнее положение дел и угнетённое положение женщин? Следует ли из неё, что мужчины не ответственны за измени или изнасилование? Требует ли она отмены социальной помощи и признаёт ли единственной достойной формой устройства «волчий» капитализм? Предписывает ли она насильтвенную стерилизацию «наименее приспособленных» и оправдывает ли нацистские попытки «очистить генофонд»?

Если говорить совсем коротко, ответ на все эти вопросы — решительное **«нет»**. Но, возможно, не по той причине, какая первой приходит вам в голову. Если вы хоть немного знакомы с темой, вы наверняка слышали про «натуралистическую ошибку» — логическую ошибку, будто из того, что что-то естественно, следует, что оно хорошо; или из того, что так **есть**, следует, что так **должно** быть. Формально такого рода выводы действительно некорректны, и одно лишь происхождение явления от эволюции не делает его автоматически обязательным или даже допустимым.

Однако в главе 12 мы увидим, что никакой принципиальной логической стены, отделяющей факты эволюции от этических выводов, не существует — при условии, что мы аккуратно соблюдаем некоторые логические тонкости. Следовательно, если с приведёнными выше выводами что-то не так (а так и есть), дело не только и не столько в натуралистической ошибке.

Глава 13. Подрывая догмат о человеческом достоинстве

Это ещё один претендент на звание моей любимой главы. В ней мы рассмотрим, как эволюция влияет на целый ряд вопросов прикладной этики: самоубийство, эвтаназию, обращение с животными и т. д. Красной нитью через главу проходит важное течение в моральной мысли — **доктрина человеческого достоинства**. Суть её в том, что человеческая жизнь обладает бесконечной ценностью, тогда как жизнь животных по сравнению с ней почти ничего не стоит или вовсе ничего не значит.

Мы увидим, что универсальная кислота дарвинизма разъедает этот древний догмат, а вместе с ним приводит к весьма тревожным выводам: например, что представление

о «высшей ценности» человеческой жизни — лишь суеверие; что могут быть обстоятельства, когда лишить невиновного жизни морально допустимо; и что могут быть ситуации, когда продолжать поддерживать в человеке жизнь — напротив, совершенно безнравственно.

Гибель доктрины человеческого превосходства имеет и серьёзные последствия для нашего отношения к животным. У нашего вида длинная история жестокого обращения с другими существами; некоторые сравнивают её с нацистским Холокостом. Пока мы в течение последних столетий спорили о рабстве или правах женщин, мало кто задавался вопросом о моральной стороне того, как мы обращаемся с другими видами. Лишь недавно внимание к этому вопросу стало расти, и даже появилось слово для обозначения дискриминации по видовому признаку — **спешсизизм**.

В тринадцатой главе мы увидим, что дарвиновская перспектива поддерживает мысль о том, что спешсизизм морально столь же порочен, как сексизм или расизм: ведь Вселенная с меньшим количеством страдания лучше, чем Вселенная с большим, и, если отбросить суеверие о «особой ценности» человека, неважно, кому именно причинена боль — человеку или другому существу. Австралийский философ Питер Сингер утверждал даже, что движение за освобождение животных — важнейшее освободительное движение нашей эпохи, важнее даже борьбы с расизмом и сексизмом¹³. Он также утверждал, что в некоторых обстоятельствах жизнь шимпанзе или свиньи может быть ценнее жизни отдельного человека. Моральная система, опирающаяся на эволюционную теорию, вполне совместима с подобными взглядами. Возможно, сейчас они покажутся вам дикими — посмотрим, что вы будете думать к концу главы.

Глава 14. Эволюция и смерть добра и зла

В заключительной главе мы зададим два главных вопроса. Первый: делает ли знакомство с теорией эволюции людей хуже? Многие креационисты уверяют, что дарвинизм лишает жизнь высшего смысла и обнуляет ценность человеческого существования. Тем самым он якобы разрушает мораль и превращает людей в эгоистичных, распущеных и жестоких существ. Эту тревогу выразила ставшая знаменитой (скорее всего, апокрифическая) фраза супруги одного епископа XIX века: «*Будем надеяться, что то, что говорит мистер Дарвин, не правда; но если это правда, будем надеяться, что об этом никто не узнает*».

Многие до сих пор так считают. Но действительно ли, чтобы быть порядочным человеком, помогать другим и о них заботиться, нам нужно отрицать собственное происхождение и придерживаться ложных взглядов на Вселенную? Может быть,

---

¹³ Singer (2002b).

наоборот, безопаснее и разумнее **не** привязывать мораль к религии? Это первый сюжет четырнадцатой главы.

Второй вопрос ещё глубже: **обладают ли наши моральные убеждения – какие бы они ни были – объективной истинностью?** Нам, скорее всего, кажется, что да. Мы убеждены, что убийство плохо, а помочь ближнему хороша, и что тот, кто думает иначе, просто ошибается. Я чувствую то же самое. Но подумайте: если бы мы были разумными муравьями, мы считали бы индивидуальные права злом; будь мы термитами, нас бы не смущала романтическая любовь между братом и сестрой (напротив, мы бы её поощряли), а будучи пчёлами, мы считали бы священным долгом убивать сородичей-конкурентов.

Все эти нравы соответствовали бы той жизни, которую диктует для муравьёв, термитов или пчёл их эволюционная история. Но ровно по той же причине мы сами имеем **те** моральные установки, какие имеем: они помогают нам, как виду Homo sapiens, выживать и размножаться. Наши нравственные убеждения подпитываются желаниями и эмоциями, существующими лишь потому, что помогли нашим предкам передать гены дальше.

Как же тогда мы можем знать, что наши моральные убеждения объективно истинны? Да и есть ли вообще хоть какие-то моральные суждения, которые были бы истинны в таком смысле?

Вердикт четырнадцатой главы таков: **мы не можем этого знать – более того, в конечном счёте их истинности не существует.** Никаких «самых по себе» добра и зла нет. Это, однако, не значит, что от морали можно или нужно отказаться. Напротив, в последние страницы книги я попытаюсь показать, что эволюционная теория помогает обосновать утилитаристский подход к этике – такой, при котором правильность или ошибочность поступков оценивается по их последствиям для всех, кого они затрагивают.

Заключение

Итак, вот чем мы займёмся: рассмотрим **Бога, человека и мораль в свете эволюции.** Эти темы тесно переплетены: если эволюция влияет на одну, она почти неизбежно имеет последствия и для других. Пример: эволюционная теория уменьшает вероятность того, что мы – привилегированное творение сверхъестественного существа. Это меняет наше представление о собственном месте в природе (в частности, снижает вероятность того, что животные существуют только для удовлетворения наших нужд), что, в свою очередь, имеет последствия для этики (заставляет переосмыслить обращение с ними).

Структура книги отражает эту взаимосвязанность: часть I, посвящённая существованию Бога, закладывает основу для всего последующего; части II и III, где

речь идёт о человеке и морали, содержат более оригинальные и ещё мало обсуждённые идеи.

С какой бы позиции вы ни подходили к этим вопросам, я надеюсь, что вы пройдёте весь путь. По дороге мы встретим пёструю компанию: креационистов и теистических эволюционистов, виталистов и механистов, эволюционных психологов и «дарвинистов чистого листа», социальных дарвинистов и апологетов человеческого превосходства. Мы подвергнем сомнению общепринятые мнения – например, то, что Папа Иоанн Павел II «принял» эволюцию; оценим старинные рекомендации по выбору супруга (от самого Платона); даже заглянем в возможное будущее Вселенной. И, наконец, дадим ясные ответы на некоторые извечные загадки: что было раньше – курица или яйцо; почему страдают невинные; что происходит, когда мы умираем. Дел много, так что пора начинать. И первый пункт в повестке дня – **Бог**.

РАЗДЕЛ 1

ДАРВИН БЕРЕТСЯ ЗА РЕЛИГИЮ

Глава вторая Столкновение титанов

«Не всякая плоть такая же плоть; но иная плоть у человеков, иная плоть у скотов, иная у рыб, иная у птиц.

1-е послание Коринфянам 15:39 — 1Кор 15:39

«Гипотеза эволюции, доведённая до логического конца, опровергает каждую жизненно важную истину Библии. Её естественное, если не неизбежное следствие — привести тех, кто всерьёз её принимает, сперва к агностицизму, а затем к атеизму. Эволюционисты нападают на истину Писания не сразу в открытую, а сперва пускают в ход “лисы слова” вроде “поэтический”, “символический”, “аллегорический”, выкачивая смысл из вдохновенного рассказа о сотворении человека».

Уильям Дженнингс Брайан (1925/2008)

«Богословие не предусматривало эволюции. Авторы Библии пропустили мимо самого себя важнейшее из всех возможных откровений! Не означает ли это, что они на самом деле не имели доступа к мыслям Бога?»

Эдвард О. Уилсон (1998), с. 6

О чём, собственно, мы говорим — во имя Божье?

Сегодня уже нет разумных сомнений в том, происходила ли эволюция. Она происходила. И всякий, кто хочет составить о мире правдивое представление, вынужден с этим фактом согласиться. Увы, сделать это далеко не всегда так просто, как кажется, особенно когда пересматривать приходится самые чувствительные участки картины мира.

Если вы когда-нибудь ставили под вопрос чьи-то религиозные убеждения, вы уже знаете: религия — едва ли не самая «болезненная» область человеческого сознания. Теория эволюции ставит для верующих огромное количество трудных вопросов, вторгаясь на территорию, которая традиционно считалась вотчиной религии. Уже одно это почти целиком объясняет, почему теория до сих пор вызывает жаркие споры — более чем через полтора века после того, как была впервые сформулирована. И хотя разумной дискуссии о том, **была** ли эволюция, уже нет, весьма разумная

дискуссия продолжается по поводу того, что из неё следует для больших вопросов человеческого существования. В том числе – для вопроса о бытии Бога.

Цель этого раздела книги (главы 2–7) – разобраться, как дарвиновская теория влияет на веру в Бога.

Но прежде чем двигаться дальше, нужно понять, о чём же мы вообще говорим. Понятие Бога – одно из самых влиятельных понятий в истории человеческого рода. Но что именно подразумевается под словом «Бог»? Не определив, что это за сущность, мы не можем осмысленно сказать, считаем ли мы, что она существует. Проблема в том, что попытка дать определение Богу – занятие примерно из того же ряда, что и попытка прибить желе к дереву. Предлагаемые определения настолько различны – и между религиями, и внутри каждой отдельной религии, – что когда двое людей утверждают, будто верят в Бога, нередко выясняется, что верят они в совершенно разные вещи. Порой они расходятся между собой не меньше, чем каждый из них расходится с атеистом.

Для одних Бог – это буквально Большой Мужчина на Небе; для других – бесплотный и безымянный Разум. Для одних Бог – ревнивый и гневный деспот; для других – любящий и всепрощающий Отец. Для одних Бог – личное существо; для других – безличная сила или принцип. Для одних Бог вмешивается в происходящее, управляет событиями и отвечает на молитвы (а если иногда не отвечает, то непременно по какой-то очень веской причине); для других Бог занимает позицию невмешательства и редко или никогда не нарушает упорядоченный ход Вселенной. Для одних Бог действует во времени, в человеческих жизнях и в истории; для других он пребывает вне времени и пространства. Для одних Бог – это нечто, радикально отличное от природы; для других – сама природа или её законы.

Некоторые пытаются уйти от этих противоречий, заявляя, что Бог есть как-то сразу всё это вместе и даже больше того; или что божественное начало вообще превосходит законы логики и вбирает в себя все парадоксы. Но такое представление – это тоже отдельная концепция Бога, конкурирующая с теми, где парадоксов нет.

Надо отдать должное: богословы всё же в целом сходятся в базовом «списке пожеланий» к своему Богу: он совершенен, вселюбящ, всеблаг, всеведущ, вседесущ и всемогущ.¹ Однако именно эти свойства, которые богословы любят так тщательно выписывать, далеко не всегда выходят на первый план в религиозном воображении рядового верующего. В его сознании Бог прежде всего – тот, кто отвечает на молитвы, вершит справедливость и гарантирует жизнь после смерти. Как ни крути,

---

¹ Остаются, впрочем, небезинтересные вопросы: например, может ли всемогущий Бог быть *не способным* творить зло, или совершить что-то несовершенно, или облегчить Себе задачу и попросту перестать существовать. О классическом «Боге богословия» см., напр.: Swinburne (1993).

но факт остаётся фактом: единого понимания того, что такое Бог, не существует. И это мы ещё только слегка коснулись темы.

Существует множество и других описаний и образов божественного. Приведу лишь небольшую подборку моих любимых формулировок:

Бог – это Бесконечное * Высшее * Абсолют * Абсолютно Непознаваемое * Брахман (Верховный Космический Дух) * Неподвижный Первовдвигатель * Первопричина * Причина всех причин * Объяснение всех объяснений * Условие существования чего бы то ни было * Самопревосходящая плодотворность * Отстранённый и трансцендентный демиург * Мысль, думающая саму себя * Круг, чей центр везде, а окружность – нигде * Разум в масштабах, выходящих за пределы человеческого понимания * Высший рациональный посредник * Существо предельно возможного совершенства * *ens realissimum* (наиболее реальное существо) * Существо, выше которого нельзя ничего помыслить * Необходимое существо, имеющее свою необходимость в самом себе * Существо, в котором сущность тождественна существованию * Объект последней, решающей заботы * Последнее Основание всего сущего * Глубина, лежащая в центре жизни * *elan vital* (мистический жизненный импульс) * Вечное Ты.

Такое количество представлений о Боге страшно затрудняет попытки понять, могут ли Бог и эволюция мирно сосуществовать в логически непротиворечивой картине мира. *О каком именно Боге мы говорим?*

В этой и нескольких следующих главах я буду иметь в виду главным образом самое распространённое представление: Бога как высший разум, сознательно сотворивший Вселенную и продолжающий действовать в ней и по сей день. Такой выбор, разумеется, вызовет раздражение у части читателей. Утончённые верующие тут же возразят, что религиозные люди давно уже не верят в «по-детски антропоморфного» Бога прежних эпох. Они могут посчитать мой подход несправедливым по отношению к религии и заявить, что нападать тяжёлой философской артиллерией на подобные упрощённые образы Бога – всё равно что облачиться в рыцарские доспехи ради нападения на шоколадный десерт [букв. «горячую шоколадную карамель】 – выражение Курта Воннегута.

Я прошу у таких читателей терпения. Да, я начну с более простых образов Бога. Но затем перейду и к более «тонким» – в главах 4 и 5 речь пойдёт о Боге деизма; в главах 5 и 6 – о Боге классического богословия; а в 7-й главе я рассмотрю еще более утончённые концепции, вроде Бога как «глубины, скрытой в самом центре жизни». В нынешней же главе нас интересует Бог креационистов – той части верующих, которая отвергает теорию эволюции и настаивает на буквальном чтении книги Бытия.

Принимая Библию буквально

Некоторые из самых трудных вопросов, которые когда-либо занимал человеческий разум, — это вопросы о происхождении. Все культуры имеют свои мифы и теории о том, как возникла земля, как возникли небеса и как возникла жизнь. Самыми притягательными обычно оказываются версии, которые объясняют именно последнее: как появились мы и все остальные живые существа.

В начале XXI века научный ответ здесь, по сути, один: **мы эволюционировали**. Однако в массовом сознании у него есть конкурент — позиция, известная как креационизм. Она опирается на буквальное понимание книги Бытия — первой книги Ветхого Завета (которая одновременно является первой книгой еврейской Библии и послужила образцом для коранического рассказа о сотворении мира). Креационисты утверждают, что каждый вид был создан Богом отдельно и независимо от других, и что виды — это нечто раз и навсегда заданное, неизменное. В их глазах люди — потомки Адама и Евы, а не обезьян.

Креационисты отвергают теорию эволюции как грубую ошибку — или даже как Великую Ложь, придумку (возможно, самого дьявола), призванную увести людей от Бога и распространить атеизм. (Надо, правда, отметить, что, судя по всему, этот заговор оказался лишь умеренно успешным, поскольку, как мы увидим в последующих главах, немало людей умудряется верить и в эволюцию, и в Бога одновременно.)

Самых креационистов можно разбить на несколько направлений. Два важнейших — **младоземельный креационизм и староземельный креационизм**.

Младоземельные креационисты (Young Earth Creationists, YEC) уверены, что Бог создал землю и всю жизнь на ней за шесть буквальных двадцатичетырёхчасовых дней и сделал это в геологически недавнем прошлом. Обычно речь идёт о сроке от 6 до 10 тысяч лет назад. Некоторые даже называют точную дату. Самая известная оценка принадлежит епископу Ашеру, который в 1650-х годах, опираясь на библейские родословные, вычислил, что мир был создан в 4004 году до н. э., 22 октября.

По убеждению ряда младоземельных креационистов, до грехопадения Эдем был мирным, вегетарианским раем. Лишь после того, как Адам и Ева вкусили запретный плод, животные начали убивать и пожирать друг друга, а в мир вошла смерть. Большинство YEC также убеждены, что примерно 4400 лет назад произошёл Всемирный потоп, накрывший всю планету и уничтоживший множество живых существ, в том числе динозавров.

Таковы взгляды младоземельных креационистов. Староземельные креационисты (Old Earth Creationists, OEC) признают, что земле гораздо больше 6-10 тысяч лет. Некоторые из них принимают и научную оценку её возраста — около 4,6 миллиарда лет — и согласны с тем, что в разные эпохи землю населяли разные растения и животные. Тем не менее, они по-прежнему считают, что каждый вид был создан Богом отдельно. Многие сторонники староземельного креационизма выдвигают

любопытную идею: Бог творил не один раз, а «сериями». Скажем, около 250 миллионов лет назад он создал динозавров, а уже значительно позже — людей и прочие знакомые нам виды.

Интеллектуально староземельный креационизм — огромный шаг вперёд по сравнению с младоземельным. Ещё задолго до Дарвина геологи показали, что земля несоизмеримо старше 6 тысяч лет, а быстро растущий палеонтологический материал демонстрировал, что в разные эпохи её истории на планете жили разные группы видов. Староземельный креационизм учитывает это и потому, по крайней мере, не противоречит додарвиновской науке. Но хоть это и делает его более состоятельным, чем младоземельный вариант, серьёзных проблем и трудностей у него по-прежнему достаточно — мы ещё увидим это.

Опасная идея Дарвина

Так или иначе, и младоземельный, и староземельный креационизм предлагают один и тот же базовый ответ на вопрос о нашем происхождении: **Бог создал нас прямо и непосредственно**. Другой ответ — разумеется, эволюционный: мы возникли в результате естественного отбора.

Согласно теории эволюции (впрямую противоречащей взглядам креационистов), виды не являются неизменными сущностями. Они меняются, эволюционируют. Любой современный вид произошёл от предыдущего вида, тот — от ещё более раннего, и так далее, вплоть до самых истоков жизни на Земле примерно 3,8 миллиарда лет назад. Вся живая природа имеет общую родословную, а главным механизмом эволюционных изменений служит естественный отбор — если говорить по-простому, «выживание наиболее приспособленных».

Если спросить у большинства людей, кому принадлежит идея эволюции, они, скорее всего, назовут Чарльза Дарвина. Это не так. Мысль о том, что виды могли изменяться, витала в воздухе задолго до того, как Дарвин взялся за перо и написал свою эпохальную книгу «Происхождение видов путём естественного отбора». В конце XVIII века его дед, Эразм Дарвин, уже высказывал догадки о возможности эволюции², а вскоре французский натуралист Жан-Батист Ламарк предпринял неудачную попытку объяснить причины эволюционных изменений. Ещё одна, столь же несостоятельная попытка — анонимно изданная книга Роберта Чемберса «Следы естественной истории творения»³.

Однако, хотя Дарвин и не был первым, кто заговорил об эволюции, **до него** эволюция считалась чем-то вроде модной псевдонауки — чем-то на уровне френологии

² Наиболее известным изложением его идей стала опубликованная уже после смерти поэма «Храм природы» (E. Darwin, 1803) — пожалуй, единственное крупное сочинение по истории науки, написанное сплошными рифмованными двустишиями.

³ Chambers (1844).

[Френология — это сейчас **псевдонаука XIX века**, которая утверждала, что по форме черепа и «буграм» на голове можно судить о характере, способностях и наклонностях человека. – прим.перев.]. Дарвин это изменил. Он завоевал для идеи эволюции научную репутацию и довольно быстро убедил большинство учёных, что речь идёт не о фантазии, а о факте.

Переломным годом для эволюционной идеи стал 1859-й, когда вышло «Происхождение видов». У книги было две главные цели. Первая — просто показать, что эволюция действительно имела место, то есть отстоять **факт эволюции**. Дарвин представил мощнейший корпус аргументов в пользу этого факта, и часть из них мы скоро рассмотрим.

Вторая цель была, если угодно, ещё более смелой: объяснить, **как** происходит эволюция, то есть предложить теорию, объясняющую сам факт эволюции. Механизм, который Дарвин выдвинул на эту роль, — естественный отбор. (Важно заметить, что идею естественного отбора независимо сформулировал и другой естествоиспытатель, Альфред Рассел Уоллес; похожие мысли высказывали и ещё несколько авторов.)

Философ Дэниел Деннет так отзывался об этой теории:

«Позвольте мне раскрыть карты. Если бы я вручал приз за лучшую идею, которая когда-либо приходила кому-то в голову, я отдал бы его Дарвину — до Ньютона, Эйнштейна и всех прочих».⁴

Смелое заявление — но оно довольно точно выражает настроение многих. Немало людей буквально влюбляется в дарвиновскую идею.

Посмотрим же, в чём её притягательность. У естественного отбора три основных составляющих: **неравномерное размножение, разнообразие и наследственность**. На простом языке это означает следующее: (1) одни особи дают больше потомства, чем другие; (2) особи отличаются друг от друга; (3) потомки в целом похожи на родителей. Стоит этим трём условиям одновременно выполняться — и эволюционные изменения фактически неизбежны.

Условие первое, неравномерное размножение, сводится к тому, что любой организм производит больше потомства, чем способно выжить. Если бы ничто не ограничивало рост численности, популяции увеличивались бы в геометрической прогрессии (2, 4, 8, 16 и т.д.). Но этого мы не наблюдаем. Значит, многие особи погибают, так и не оставив потомства. Как писал Дарвин, на каждом шагу идёт «борьба за существование».

Что определяет, кто победит в этой борьбе? Отчасти — случай. Одно животное гибнет от падающего камня, другое чудом избегает его. (Говоря словами Стивена Джая Гулда, действует «выживание самых удачливых».) Но дело не только в случайности,

---

⁴ Dennett (1995), p. 21.

и здесь вступает в игру второе условие – разнообразие. Никакие две особи не бывают абсолютно одинаковыми. Одни чуть выше ростом, другие немного быстрее или сильнее соседей. И иногда, чисто по случайности, некоторым достаются такие особенности, которые делают их более успешными в выживании и размножении: скажем, кто-то немного лучше находит пищу, ловчее уходит от хищников или тщательнее заботится о детёнышах. При прочих равных эти особи оставят больше потомков.

Третья составляющая – наследственность. Речь о том, что родители склонны передавать потомкам свои черты. Если какое-то свойство, повышающее шансы на выживание и размножение, наследуемо, то и потомки особи, обладающей этим преимуществом, будут чаще получать ту же черту. Раз особь оставляет больше потомков, а потомки наследуют полезную особенность, в следующем поколении такая особенность будет встречаться чаще. Если это будет продолжаться на протяжении многих поколений, удачный признак вытеснит альтернативные варианты. Он, образно говоря, «будет отобран».

Пример сделает картину нагляднее. Вообразим маленькую популяцию белок – скажем, всего три особи. Для простоты предположим, что одна из них чуть быстрее двух остальных. Итак, у нас есть две медленные белки и одна быстрая. Почему быстрая – быстрая? Не потому, что «ей полезно быть быстрой», а потому, что ей просто так выпала случайная мутация, слегка повышающая скорость.⁵ [Здесь важно: в дарвиновской схеме мутации не «подстраиваются под потребности», а случайны. – прим.перев.]

Но хотя сама мутация возникла не «ради пользы», оказывается, что быть быстрым **полезно**: быстрая белка чаще уходит от хищников. Значит, у неё выше шансы выжить, а значит – выше вероятность обзавестись потомством. Допустим, первая медленная белка успевает произвести одного детёныша, унаследовавшего её медлительность. Вторая гибнет до размножения. Быстрая же белка, благодаря своему преимуществу, живёт дольше и успевает дать двух потомков, обоим передаёт «быстрый» вариант гена. Во втором поколении мы имеем уже двух быстрых белок и одну медленную. В первом поколении быстрые занимали треть популяции, во втором – уже две трети. Признак «быстрота» попросту начинает преобладать.

И это и есть естественный отбор: наследуемые свойства, которые повышают шансы организма размножиться, автоматически увеличиваются в частоте. Если подобный процесс будет продолжаться достаточно долго, медленные белки окажутся вытеснены, и весь вид станет заметно более быстрым.

---

⁵ Заметим, что Дарвин не знал ничего о генах и мутациях; синтез его идеи естественного отбора с генетикой произошёл лишь в первой половине XX века.

Идея естественного отбора проста — по крайней мере, на таком уровне. Но при этом она невероятно мощна. Настоящее её могущество раскрывается, когда мы добавляем ещё один критически важный ингредиент: **время**. На колоссальных временных интервалах медленное накопление выигрышных изменений даёт ошеломляющий результат. Могут возникать сложнейшие адаптации — глаза, крылья, хобот слона, человеческий мозг. И, в конечном счёте, — совершенно новые виды.

Часть «магии» дарвиновской теории в том, что она объясняет всё изумительное разнообразие и сложность живой природы через принцип, достаточно прозрачный, чтобы его понял хоть сколько-нибудь внимательный десятилетний ребёнок. До Дарвина, правда, никто так и не додумался соединить все элементы. Сделав это, он вошёл в ряд величайших учёных всех времён.

Почему эволюция — факт

Теория Дарвина радикально несовместима с креационистским описанием происхождения видов. Во-первых, одному естественному отбору просто не хватило бы 6 тысяч лет, чтобы породить то потрясающее изобилие флоры и фауны, которое мы наблюдаем. Это прямо опровергает младоземельные оценки возраста Земли. Во-вторых, мысль о том, будто до грехопадения Земля была миром без смерти и насилия — миром всеобщего вегетарианства, — не выдерживает столкновения ни с эволюционной теорией, ни, если честно, со здравым смыслом. Животные убивали и поедали друг друга за миллионы лет до того, как Ева откусила свой первый плод. Но главное — эволюционная теория утверждает, что нынешние виды произошли из предыдущих и что любые два вида имеют общего предка, если проследить их родословную достаточно далеко вглубь Древа жизни. Это прямо противоречит креационистскому тезису о том, что каждый вид был создан отдельно и раз и навсегда.

С точки зрения краткой человеческой жизни и короткой человеческой истории естественно предполагать, что виды неизменны — как естественно, глядя невооружённым глазом, считать Землю неподвижной и плоской. Но так же, как научное исследование разрушило представление о неподвижной Земле в центре Вселенной, так и оно разрушило представление о неизменности видов. Сегодня уже нет разумных оснований сомневаться в том, что жизнь возникла в результате эволюции.

Почему я говорю об этом столь уверенно? По одной простой причине: у нас накопилась **гора** доказательств эволюции — как того, что она происходила, так и того, что её главным движущим механизмом был естественный отбор.⁶ В этой части

---

⁶ Доступные и популярные обзоры доказательств эволюции см. у: Coyne (2009); Dawkins (2009); Fairbanks (2007); Miller (1999); Prothero (2007); Theobald (2007).

главы мы взглянем на некоторые из наиболее интересных и убедительных свидетельств.

Начнём с ископаемых. Учёные располагают буквально миллионами окаменелостей и сумели восстановить целый ряд эволюционных «цепочек», показывающих постепенное превращение одних форм жизни в другие. Среди них – знаменитый ряд, демонстрирующий эволюцию современного коня, начавшийся с небольшого, размером с собаку, *Nutrasotherium* (раньше его называли *Eohippus*), жившего около 60 миллионов лет назад. Есть и цепочка, показывающая, как четырехногие сухопутные млекопитающие превратились в китов.

Кроме того, найдены переходные формы между крупными группами современных животных. Самая известная – *Archaeopteryx*, нечто среднее между рептилиями и птицами. Если вы посмотрите его изображения, увидите странное существо, поразительно напоминающее и динозавра, и современную птицу. Такое впечатление возникает не случайно: оно *и есть* переходное звено между этими группами. (Да, если вы ещё не знали: птицы эволюционировали из одной из ветвей динозавров.⁷

Найдены также переходные формы между рептилиями и млекопитающими. При этом, что характерно, не найдено никаких «промежуточных» форм между птицами и млекопитающими. Эволюционная теория блестяще объясняет такую картину: птицы и млекопитающие, согласно ей, произошли *по отдельности* от разных ветвей рептилий, а не одна группа – от другой. Поэтому отсутствие «птице-млекопитающих» как раз и ожидаемо.

Многие считают, что главный источник данных в пользу эволюции – это как раз ископаемые. Это заблуждение. Даже если бы у нас не было *ни одной* окаменелости, доказательств эволюции всё равно было бы с избытком.

Второй важный источник – поразительные, часто весьма неожиданные анатомические сходства между разными организмами. Например, у жирафов, крыс и людей одинаковое число шейных позвонков; а у амфибий, рептилий, млекопитающих и птиц – одна и та же «четырёхконечная» схема тела.

Признаться, многие ставшие классическими примеры анатомического сходства, на мой вкус, менее убедительны, чем считают большинство эволюционистов. Во многих случаях креационист вполне мог бы возразить: да, эти сходства действительно согласуются с идеей общего происхождения, но они не противоречат и идее общего Творца, который просто предпочёл использовать один и тот же удачный «основной чертёж» в разных созданиях. Такое рассуждение, правда, намекает, будто Творцу не хватает фантазии – путь, по которому мало кто из верующих захочет идти. Но и от

---

⁷ Замечание в сторону: многие зоологи считают, что птицы *буквально и есть* динозавры – единственная ветвь динозавров, пережившая массовое вымирание 65 млн лет назад.

этого вывода можно увернуться, и во многих случаях подобные сходства действительно сравнительно легко вписываются в креационистскую картину.

Есть, однако, случаи, в которых мысль о «переработке удачных решений» у Бога просто не выдерживает проверки. Крылья летучей мыши выполняют совершенно иную функцию, чем человеческие руки или плавники кита, но при этом во всех этих конечностях мы видим один и тот же «скелет»: примерно одинаковое число костей в сходной конфигурации, лишь с разной длиной и пропорциями. А вот крылья летучей мыши и крылья птицы выполняют *одну и ту же* задачу — полёт, — но устроены костно совершенно по-разному.

Эволюционная теория объясняет это без усилий: летучие мыши ближе всего к другим млекопитающим — людям, китам и т.д., — а уже потом к птицам. Креационизм ничего столь же ясного предложить не может. Если повторяющиеся мотивы в устройстве живых существ — это следствие того, что Бог повторно использует лучшие находки, то почему же он не использовал *один и тот же* удачный «чертёж» крыла и для птиц, и для летучих мышей? Почему же крылья мышей больше похожи на киты и плавники, чем на птичьи крылья?

Ещё один убедительный ход в пользу эволюции — это внимание к не просто сходствам, а к **бесполезным** сходствам. Многие организмы несут в себе признаки, которые, насколько мы можем судить, никакой функции уже не выполняют. У слепых пещерных саламандр естьrudиментарные, нефункционирующие глаза; у киви и других нелетающих птиц —rudиментарные, ничем не помогающие крылья.

Эволюция легко объясняет эти странности: пещерные саламандры эволюционировали из предков, живших на свету и нуждавшихся в хорошем зрении; киви — из птиц, которые, в отличие от них, летали и, соответственно, нуждались в крыльях.

Как объясняют этиrudименты креационисты? Короткий ответ: никак.

[Когда речь заходит о крыльях, которыми невозможно взмахнуть, и о глазах, через которые ничего не видно, разумный Творец выглядит... мягко скажем, загадочно. — прим.перев.]

Некоторые свидетельства эволюции выглядят просто поразительно. Взять хотя бы тот факт, что на ранних стадиях эмбрионального развития у наземных позвоночных (включая людей) отчётливо формируются жаберные щели — такие же, как у рыб. Это удивительно легко понять, если допустить, что все наземные позвоночные произошли от морских предков и что часть ранней «программы развития» просто сохранилась (на неё никогда не действовал отбор). Но абсолютно непонятно, если считать, что Бог создавал каждый вид наземных животных «с нуля». Если мы были созданы в том виде, в каком сейчас существуем, — зачем нам в утробе жабры?

Ещё более странный факт — так называемые атавизмы. Иногда киты рождаются с задними ногами. Эволюционист объясняет это так: киты произошли от

четырехногих сухопутных млекопитающих, и в их геноме до сих пор присутствуют гены, отвечающие за формирование задних конечностей. Обычно эти гены блокируются другими генами, но иногда в ходе развития что-то идёт «не по плану», блокировка не срабатывает — и ноги проявляются. С точки зрения креационизма киты с ногами совершенно необъяснимы. С какой стати разумному Богу вшивать в геном кита «лишний» набор генов для ног?

Помимо этих косвенных данных, мы наблюдали эволюцию и **напрямую** — и в природе, и в лаборатории. Человеческий отбор (то есть селекция) позволил вывести огромное количество новых пород и сортов животных и растений. Учёные видели, как насекомые вырабатывают устойчивость к инсектицидам, а бактерии — к антибиотикам. Биологи Питер и Розмари Грант показали, как у галапагосских вьюрков меняются, например, размеры клюва в зависимости от условий среды.⁸

Креационисты спешат возразить: всё это — лишь «микроэволюция», то есть изменения частоты генов или признаков **внутри вида**. Но нигде, мол, мы не видим «макроэволюции» — превращения одного вида в другой. Никто якобы никогда не наблюдал, чтобы один вид «перешёл» в другой.

Спорить, видели ли мы макроэволюцию прямо, можно, но даже если временно принять креационистский тезис, это ничуть не подрывает теорию. Если естественный отбор способен вызвать небольшие изменения за короткое время, почему он не может «накапливать» изменения и в больших масштабах, за большие промежутки времени? Пока не появилось убедительного аргумента против, разумное допущение как раз такое: может и делает. Не говоря уже о том, что все косвенные данные (те же ископаемые и пр.) как раз и свидетельствуют: новые виды появляются из старых.

Во времена Дарвина многие образованные люди готовы были признать, что эволюция справедлива для животных и растений, но упорно отрицали, что она применима к человеку. И сегодня ещё встречаются те, кто утверждает: вся прочая природа эволюционировала, а вот человек был создан отдельно и особо.⁹

Данные, однако, совершенно однозначны: человек — такой же продукт эволюции, как и всё остальное.¹⁰

---

⁸ Grant and Grant (2008). Популярное и увлекательное изложение их работы — книга Weiner (1994), удостоенная Пулитцеровской премии.

⁹ Это не единственный пример подобного выбора произвольной «линии разграничения». Глава СС Гиммлер, например, утверждал, что «арийцы» не являются продуктом эволюции: якобы все прочие расы эволюционировали, но не арийцы. Единственное принципиальное отличие этого безумного тезиса от рассмотренного — в том, что Гиммлер проводил линию не по границе вида, а по границе «расы». Примечательно, что заявления об «особости человека вообще» — даже если мы считаем их ложными — вызывают у нас сегодня несравненно меньше ужаса, чем расистские фантазии Гиммлера.

¹⁰ См., напр.: McKee et al. (2005).

Прежде всего, если допустить, что Бог создал **только** человека отдельно, отдельно от прочего дерева жизни, то получается, что он с удивительным усердием копировал в нём решения, уже выработанные естественным отбором. Большинство конструкторских решений, которые мы видим в человеческом организме, встречаются и у других животных – тех самых, которые, по сути, и были «созданы» естественным отбором, без Божьего вмешательства. Это первый сильный аргумент против «уникального творения» человека.

Второй момент: если только человек был создан «с нуля», то Бог по непостижимым причинам приложил титанические усилия к тому, чтобы человек **идеально вписался** в уже существующую систему классификации живого: в категорию приматов, млекопитающих, животных и так далее. Непонятно, зачем ему было так тщательно маскировать уникальное творение под обычный биологический вид.

И наконец, опять-таки – ископаемые. Креационисты любят утверждать, что учёным так и не удалось найти «недостающее звено» между человеком и прочими приматами. Это неверно. Найдено множество таких звеньев. Большинство слышало хотя бы о *Homo erectus* и *Homo habilis*. Сегодня у нас есть подробная, хорошо выстроенная цепочка останков, демонстрирующая постепенное превращение примата, не принадлежащего к нашему виду, в человека современного типа.

Упрямый креационист, конечно, может заявить, что все эти формы – вовсе не «переходные», а отдельные, созданные Богом виды, которые потом вымерли. Но почему же Бог создавал так много форм, **выглядящих** как промежуточные звенья между обезьянами и человеком, вместо того чтобы раз и навсегда создать две совершенно разные сущности?

Как и в случае с эволюцией вообще, доказательства эволюции человека не сводятся к ископаемым. Ещё один очень убедительный блок данных – следы нашего эволюционного прошлого в нашем собственном теле: органы и черты, не выполняющие более никакой отчётливой функции, но унаследованные от предков. Один из моих любимых примеров – мурashki. Когда нам холодно, страшно или очень сердито, волосы на нашем теле встают дыбом. Задумывались ли вы, *почему* так происходит? У других млекопитающих это имеет явный смысл. Приподнимая шерсть, животное лучше удерживает тепло. А когда зверю грозит опасность, такая «распушённая» шерсть делает его визуально крупнее – и может отпугнуть агрессора. Мы же, утратив почти всю шерсть, сохранили лишь тонкий пушок, но всё равно покрываемся мурашками, когда нам страшно или холодно. Для нас это не даёт ни тепла, ни внушительного вида. Скорее всего, вообще никакого эффекта. Это – **эволюционный пережиток**. Наши предки были куда более волосатыми, и у них этот механизм служил делу. Теперь он почти бессмыслен, но программа в организме осталась. Так объясняет это эволюционист. Сумеете ли вы предложить более правдоподобное объяснение мурашек?

Ещё один пример — копчик. Хвостового отдела позвоночника у взрослого человека нет, но небольшой «огрызок хвоста» — копчик — остаётся. Похоже, он почти наверняка не выполняет никакой нужной функции: его можно удалить хирургически, и это не приводит ни к каким последствиям, кроме непосредственно связанных с операцией. Зачем он нам бы понадобился, если мы — уникальное творение Бога? Можно, конечно, пофантазировать и попытаться придумать для него особое предназначение, но такой вымысел должен будет соперничать с более простой гипотезой: общий предок всех человекообразных обезьян имел полноценный хвост, а где-то на нашей линии эволюции хвост исчез, оставив лишьrudимент.

Что интересно, на самых ранних стадиях развития человеческий эмбрион, как и эмбрионы других наземных позвоночных, имеет вполне отчётливый хвост. Более того, как киты изредка рождаются с задними конечностями, так и люди иногда появляются на свет с самыми настоящими, функционирующими хвостами. Почему? Потому что гены, отвечающие за формирование хвоста, до сих пор присутствуют в нашем геноме — просто обычно они блокируются другими элементами. Иногда блокировка даёт сбой — и хвост развивается. С точки зрения креационизма это невероятно трудно объяснить. Если Бог создавал нас сразу такими, как мы есть, зачем ему было закладывать в наш геном программу хвоста — «на всякий случай»?

Одни из самых впечатляющих подтверждений эволюции даёт молекулярная биология. Главный результат здесь в том, что **вся** земная жизнь использует один и тот же генетический код. Во всех видах одни и те же последовательности ДНК кодируют одни и те же аминокислоты. Это очень сильный аргумент в пользу гипотезы общего происхождения (либо, если вернуться к креационистскому языку, гипотезы о «Творце-одноразработчике» с одним набором инструкций для всего живого).

Кроме того, представители разных видов разделяют огромную часть своих генов. Чем ближе виды друг к другу, тем больше генов у них совпадает. Так, люди разделяют более 94 % генов со своим ближайшим живым родственником — шимпанзе. Можно было бы сказать: и это лишь ещё одно доказательство того, что Творец повторно использовал удачные решения. Но проблема в том, что у нас с шимпанзе совпадают не только функциональные гены, но и **нефункциональные**. Зачем бы это было нужно, если бы нас создавали независимо? Гораздо проще предположить, что мы унаследовали эти «ломанные» гены от одного и того же общего предка.

И это — лишь небольшая часть аргументов. Но мы ещё не назвали, возможно, главную причину, по которой следует признать эволюцию: её сила — не в одном большом доказательстве, а в **массовой сходимости** огромного числа разных линий данных. Даже если бы креационисты чудесным образом смогли объяснить каждое отдельное свидетельство в пользу эволюции, им всё равно пришлось бы объяснить, почему *все*

эти разрозненные факты так замечательно выстраиваются в одну общую картину, подтверждающую дарвиновскую теорию.

Если это не потому, что теория верна, остаются два варианта: либо мы имеем дело с невероятным совпадением, либо — с крупнейшим, изощрённейшим и успешнейшим обманом в истории.

Доказательства эволюции сегодня настолько весомы, что, если вы продолжаете верить в креационистского Бога, вам стоит спросить себя: **зачем** Творец прилагает такие усилия, чтобы убедить нас, будто жизнь на Земле развивалась эволюционным путём? Как метко замечает Деннет, надеясь, что в будущем вдруг окажется, будто виды на самом деле **не** эволюционировали, — примерно то же самое, что надеяться на внезапное «открытие», будто Земля всё-таки плоская. Он даже пишет, что «в наше время любой, кто сомневается, что разнообразие жизни на планете возникло в результате эволюционного процесса, просто некомпетентен»¹¹ — не знает современной совокупности данных и не понимает объяснительной мощи одной из самых успешных и просветляющих научных теорий всех времён: **опасной идеи Дарвина.**

Троянский конь креационизма

И всё-таки в мире по-прежнему существует сильное, хорошо организованное и щедро финансируемое антиеволюционное движение. Основная часть сопротивления идёт от креационистов и выражается в двух главных линиях атаки:

1. эволюционная теория якобы фактически неверна;
2. эта теория якобы ведёт к моральному разложению.

Со второй линией — про мораль — мы разберёмся в 14-й главе. А вот насчёт первой: у креационистов целый арсенал возражений, призванных показать ложность дарвинизма. Среди них любимая классика: «Эволюция — это всего лишь теория», «Эволюция невозможна, потому что нарушает второй закон термодинамики», «Что-то настолько изумительно сложное, как человеческий глаз, не могло возникнуть исключительно случайно». Все эти аргументы основаны на элементарных недоразумениях и говорят не о том, что теорию надо выбросить, а о том, что её надо лучше понять.

Однако в последние десятилетия на сцене появилось более «интеллигентное» наступление на эволюционную теорию — движение Intelligent Design (ID), «разумного замысла».¹² Его основатель — Филипп Джонсон, отставной профессор права, который

---

¹¹ В оригинале здесь даётся ссылка на работу Д. Деннета; полный текст примечания в данном отрывке отсутствует. — прим.перев.

¹² Некоторые из важнейших работ о концепции разумного замысла (ID), как её сторонников, так и критиков, включают: Behe (1996); Brockman (2006); Dembski (1998); Dembski and Ruse (2004); Forrest and Gross (2004); Johnson (1993); Kitcher (2007); Pennock (1999); Shermer (2006).

сомневается не только в научном консенсусе по поводу эволюции, но и, скажем, в «теории» о том, что ВИЧ вызывает СПИД.

ID опирается на два основных тезиса.¹³

Первый: эволюционная теория якобы не в состоянии объяснить по крайней мере часть биологических явлений. Это «теория в кризисе».

Второй: то, что эволюционная теория объяснить не может, якобы объясняется, если допустить существование некоторого разумного создателя. При этом ID официально «не знает», кто именно этот создатель. Это может быть Бог, который «подкручивает» ДНК, но в равной степени — путешествующий во времени биохимик или инопланетная цивилизация.¹⁴ Теоретики ID не скрывают, что сами они, конечно, имеют в виду Бога, но формально это в их тезис не входит — по крайней мере на бумаге.

Противники ID раз за разом утверждают, что это креационизм под маской; движение называют «скрытым креационизмом» и «креационизмом в дешёвом смокинге». Если рассматривать дело строго с интеллектуальной точки зрения, ID действительно не совпадает один к одному с классическим креационизмом. Часть сторонников ID — безусловно креационисты, но есть и другие. Несколько ключевых фигур движения называют себя «теистическими эволюционистами»: они принимают, что вся жизнь на Земле произошла от общего предка, но считают, что естественный отбор не даёт достаточного объяснения этому процессу.¹⁵

Так что интеллектуально ID отличается от креационизма. А вот политически — это прямое продолжение прежних креационистских кампаний и «научного креационизма», у которых всегда была одна цель: протолкнуть Бога на уроки естествознания в американских школах.

Учёные относятся к ID гораздо менее терпимо, чем к религии вообще. И на то есть весомые основания: многие сторонники ID, как их упрекают (и небезосновательно), сознательно скрывают свою реальную задачу. Их цель — не развитие науки, а подрыв доверия к эволюционной теории и внедрение ID в школьные программы по биологии.¹⁶

Но оставим политику и посмотрим на аргументы. Самый известный и интуитивно привлекательный довод сторонников ID принадлежит Майклу Бихи.¹⁷

Исходная идея такова: встречаются такие биологические структуры, которые слишком сложны, чтобы возникнуть посредством естественного отбора.

---

¹³ Kitcher (2007).

¹⁴ Забавно, что аргументы ID недавно были заимствованы такими группами, как раэлиане, утверждающими, что люди были созданы внеземными существами. Поэтическая справедливость!

¹⁵ Например, Behe (2007).

¹⁶ Убедительную аргументацию в пользу этого вывода см. у Forrest and Gross (2004).

¹⁷ Behe (1996).

Следовательно, это работа разумного дизайнера. История эволюционной теории усыпана самоуверенными заявлениями, будто вот эта структура или вон та «точно не могла эволюционировать». Раньше на роль «неэволюционируемого чуда» выдвигали, например, глаз или крыло. С течением времени все эти заявления выглядели всё хуже и хуже,¹⁸ и потому такой подход вообще довольно рискованен. Бихи, однако, добавил два новых хода. Во-первых, он перенёс обсуждение с видимых органических структур на микроскопические – биохимические (Бихи по профессии биохимик). Во-вторых, он подробно разработал понятие «неприводимой сложности». По Бихи, структура считается неприводимо сложной, если при удалении любой её части вся система перестаёт работать. Часы или мышеловка – примеры созданных человеком неприводимо сложных устройств. Бихи утверждает, что биохимический мир буквально набит такими структурами, и настаивает, что неприводимо сложные системы не могут возникнуть через естественный отбор.

Его самый знаменитый пример – бактериальный жгутиковый мотор. Жгутик – это вырост, с помощью которого бактерии передвигаются. У одних бактерий жгутик работает как «весло»: просто бьёт из стороны в сторону. У других – тех, что особенно восхищают Бихи, – жгутик действует как врачающийся мотор, который крутится вокруг своей оси.

Бихи справедливо замечает: все детали, составляющие этот мотор, вряд ли могли появиться разом в результате одной случайной мутации или полового смешения – это крайне маловероятно. Но он идёт дальше и утверждает, что система не могла возникнуть и постепенно, по шагам, потому что каждый отдельный шаг по пути к мотору был бы нефункционален. До тех пор, пока присутствуют не все детали, механизм не работает вообще. А если промежуточная стадия ничего не делает, отбору просто не за что «ухватиться» – такая стадия не будет закреплена и исчезнет, прежде чем появится следующая.

Отсюда Бихи заключает: как часы или мышеловка, жгутиковый мотор должен быть продуктом разумного замысла. То же самое, по его мнению, верно для других биохимических систем – иммунной, метаболической, системы свертывания крови и т. п.

Бихи весьма скромно оценивает масштаб своего открытия:

«Полученный результат столь однозначен и столь значителен, что его следует отнести к величайшим достижениям в истории науки. Это открытие сопоставимо с открытиями Ньютона и Эйнштейна, Лавуазье и Шрёдингера, Пастера и Дарвина».¹⁹

Нет ли шанса, что Бихи несколько поторопился с выводами? Ответ вы уже догадываетесь; вот почему.

¹⁸ См. специальный выпуск журнала , 1(4), 2008.

¹⁹ Behe (1996), pp. 232-233.

Во-первых, для многих систем, которые он объявил неприводимо сложными, был предложен вполне разумный эволюционный сценарий — в том числе для жгутикового мотора, иммунной системы и системы свертывания крови.²⁰ Мы не будем подробно их разбирать; достаточно отметить, что среди специалистов почти нет людей, которые сочли бы неприводимую сложность непреодолимым препятствием для естественных механизмов.

Гораздо полезнее для неспециалиста — посмотреть на общие логические слабости аргумента Бихи.

Первая слабость характерна не только для него, но и для большинства креационистских и ID-доказательств. Эти доводы почти целиком построены на указании на якобы провалы эволюционной теории. Сторонники ID, по сути, исходят из того, что если на какой-то вопрос наука сейчас не даёт ответа, значит, его должен занимать Бог.

Но с чего вдруг Бог автоматически выигрывает по умолчанию? Даже если есть явление, которое не удается объяснить с помощью существующей эволюционной теории — и даже если мы никогда не сможем его так объяснить, — из этого вовсе не следует, что «настоящим объяснением» является Бог.

Дыры в одной теории ещё не являются доказательством другой. Допустим, эволюция чего-то не объясняет. Какой именно теории это придало бы вес? Христианскому креационизму? Исламскому? Почему не индуистскому представлению, согласно которому жизнь существует в нынешнем виде миллионы лет или даже вечно? А может, это повод воскресить ламарковскую эволюцию или выдумать ещё какую-то не дарвиновскую, но естественную теорию, о которой мы пока не догадались?

Стратегия «бьём по эволюции, значит выигрывает Бог» выглядит разумной только в том случае, если держать в голове очень узкий круг вариантов. Христианский креационизм — всего лишь одна из тысяч и тысяч неподтверждённых легенд о происхождении мира. Если дыры в эволюционной теории поддерживают хоть какую-то из них, они точно так же «поддерживают» все остальные.

На деле — ни одну. Эволюционная теория, как мы уже видели, опирается на колоссальный массив фактов. Ни один миф о сотворении мира не имеет сколько-нибудь сопоставимых подтверждений. Как несколько проблемных мест в чрезвычайно успешной теории могли бы оправдать отказ от неё в пользу учения, которое не объясняет практически ничего?

Скажем иначе. Эволюционная теория объясняет огромный пласт того, что мы знаем о живой природе. Тот факт, что остаются отдельные упорные загадки, ещё не

---

²⁰ О жгутиковом моторе см. Doolittle and Zhaxybayeva (2007); об иммунной системе см. Inlay (2002); о системе свертывания крови см. Doolittle (1997).

объяснённые этой теорией, не даёт ни малейшего основания выкидывать её ради воззрений, которые не объясняют почти ничего.

Иногда возражают: гипотеза Бога как раз и объясняет всё — и жизнь, и Вселенную, и вообще всё остальное.²¹ Но действительно ли она что-то объясняет? Сказать «это сделал Бог» легко. Точно так же легко сказать: «это сделал Снежный Человек» или «это сделал Снеговик Фрости». Гипотеза Фрости объясняет происходящее в точности в той же степени, что и гипотеза Бога, и потому ровно настолько же хороша — то есть никак.

Хорошее объяснение должно содержать деталей хотя бы настолько, чтобы быть совместимым с одними фактами и несовместимым с другими. «Бог» же (или «Фрости») можно притянуть к каким угодно фактам. Это значит, что гипотеза Бога, по сути, пустая. Это само по себе не доказывает, что она ложна, но подрывает любые попытки навязать веру в Бога как «единственное возможное объяснение» того, что наука пока объяснить не может. Гипотеза Бога не объясняет ничего.

То же самое относится и к гипотезе Intelligent Design в узком смысле. Как была создана многообразная жизнь на Земле? Представьте, что эволюционист ограничился бы ответом: «это сделали природные силы». Если бы теория сводилась к одному этому предложению, она не была бы даже теорией. Это была бы едва ли даже тень намёка на набросок будущей теории.

Но объяснение ID — «это сделал интеллект» — не более содержательно, чем «это сделали природные силы». Как именно ID объясняет данные палеонтологии? Как объясняет наблюдаемые сходства и различия между организмами? Каким конкретно образом разумный дизайнер «собрал» жгутиковый мотор или иммунную систему?

Если кажется, что Бог объясняет то, что эволюционная теория якобы не может объяснить, то лишь потому, что втихую подставлено недоказанное предположение: Бог может сделать буквально всё. Детали при этом вообще не прорабатываются.

Есть ещё одна проблема у аргумента вида «такое удивительное устройство не могло возникнуть естественно, значит, его сделал Бог». По сути, он утверждает: некоторая структура невероятно сложна и удивительна, стало быть, её должен был создать разум. Никто не спорит, что порядок и сложность живых организмов поражают воображение. Но тогда разумный создатель должен быть ещё более поразителен и сложен, чем его творения. Если говорить о Боге, то несравненно более поразителен. Значит, введение в картину мира такого создателя не решает изначальной загадки, а делает её в несколько раз более трудной. Это само по себе, опять-таки, не доказывает, что Бога нет. Но зато выбивает почву из-под определённой линии доказательств — именно той, к которой апеллирует Бихи. Смысл этих доводов в том, что нам приходится прибегнуть к Богу, чтобы снять загадку: откуда взялись

²¹ См., например, Swinburne (2004); Ward (1996).

функционально сложные структуры. На деле же мы просто меняем одну загадку на ещё более крупную.

Поэтому любые рассуждения типа «это слишком удивительно, чтобы возникнуть естественно, значит, его сделал Бог» приходится отвергнуть.²² Верующим после этого стоит задать себе честный вопрос: а почему я вообще верю в Бога?

Учитывая явные слабости креационистско-IDшных аргументов, разумно спросить: почему же они кажутся столь убедительными многим людям? Важная часть ответа в том, что эти аргументы прекрасно ложатся на интуицию: сложно устроенные вещи будто бы не могут возникать из простых, безмозглых процессов.

Но с чего мы решили, что нашим интуициям в таких вопросах можно доверять? История науки показывает: за пределами узкого человеческого масштаба (того, где мы живём повседневно) наши интуиции почти гарантированно подводят. Для объектов сравнимых с нами по размеру и для временных отрезков порядка лет или десятилетий они ещё кое-как работают. Но всё, что намного больше, меньше, быстрее, медленнее или длится куда дольше — выскакивает за пределы их применимости.

Наше интуитивное чувство устойчиво подводит нас и в мире огромного (Вселенная общая теории относительности), и в мире микроскопического (квантовая механика). Значительная часть современной науки напрямую противоречит здравому смыслу, и эволюционная теория — не исключение.

Она, может быть, не так мозговыносна, как физика частиц, но всё равно требует, чтобы мы оставили «наивные» представления у дверей. Увы, большинство людей сильно переоценивает ценность интуиции как инструмента познания. Интуитивная правдоподобность — прямой путь к популярности в массах; отсюда и успех креационистских и ID-доказательств у несклонной копаться в деталях публики.

Заключение

С самого момента появления дарвиновской теории современникам было ясно: если Дарвин прав, библейское повествование о происхождении жизни ложно.

Теоретически люди могли бы сказать: да, Библия ошибается в деталях того, как Бог создавал жизнь, но это не значит, что Бога нет вовсе. И часть верующих действительно пошла по этому пути, особенно когда стало ясно, что теория Дарвина пришла всерьёз и надолго.

Однако многие воспринимали библейскую картину мира как неделимое целое: если опровергнут хоть один её элемент, рушится всё здание. Как возмущённо писал один комментатор:

---

²² Похожий довод, но сосредоточенный на сложности/малой вероятности, см. у Dawkins (2006).

«Если эта гипотеза верна, то Библия — невыносимая выдумка... значит, христиане вот уже почти две тысячи лет обмануты чудовищной ложью».²³

Понятно, что многие современники Дарвина сопротивлялись этой гипотезе изо всех сил. И многие продолжают сопротивляться до сих пор. Как и большинство жителей Британии времён Виктории, сегодняшние креационисты чувствуют в дарвиновской идее прямую угрозу своему миропониманию.

Но опасность для религиозной картины мира исходит не только и не столько из прямого столкновения между эволюцией и библейским сюжетом о сотворении. На деле, если уж на то пошло, этот конфликт — ещё не самая страшная проблема для верующего. Настоящие трудности начинаются дальше, как мы увидим в следующей главе.

---

²³ Цит. по: White (1896), p. 93.